

основным органом его самосознания, его культурной самоидентификации (не мифология, не религия, а философское сознание). Только соотнося то, посредством чего “сказано”, с тем, что сказано, мы постигаем смысл, его неповторимую суть. Именно творчество отчетливо выявляет способность человеческой личности к самовыражению, к созданию социально-духовных ценностей. Как справедливо пишет В. Днепроv: “Всякое подлинное искусство в любой форме и в любое время не просто изображает действительность, но ставит вопрос об отношении сущего к должному”¹. (Ведь недаром человек всегда будет стремиться к улучшению того, что есть, к проектированию будущего). Однако жизненное подобие в искусстве помогает не только узнать облик предметного мира, но и понять его сущность, внутренние тенденции, увидеть не только портрет, но и внутренний мир человека. Поэтому-то великое искусство взаправду живет, а не красуется, пришпиленное к стене музея; богатство в нем не накапливается и не умножается (за счет процентов), а обнаруживается.

Мысль, образ, идея, постоянно находя для себя новое выражение, способствуют тому, что культура должна идти дальше того, что уже было, жило. Возможно, будет создано что-то среднее между книгой, телевизором и дискетой: ведь всякий поступок совершен не только самим человеком, но и эпохой, ее самопознанием, самоотречением.

Франсуа Вийон, привлекая внимание к проблеме самопознания загадочного внутреннего мира, пишет:

...
*Я знаю книги, истины и слухи,
 Я знаю все, но только не себя*².

Недаром именно в поисках ответа определяются культурные предпочтения и объекты для творческого, нравственного, гражданского приложения индивидуальных способностей

¹ Савость нов Е., *Ег, нствоя познан, яя , я творчествая вя , скЗсствая М.,я 1977,я с.я 34.*
 Гршрп 1-4я
² Вийон Ф., *Большое завещание. Вийон Ф. Стихи, М., 1963, с. 584.*

каждого человека. Необходимо участие подобного субъектно-личностного мира в процессе создания и функционирования культурных ценностей, в развитии “культурных форм общения”. “Культурные формы общения” или “функция ума и совести”, как сказал бы Юрий Лотман, – это пространство вынесения вовне ценностно-смысловых и этических исканий. Когда, например, Шекспир хотел дать “субъективное в объективном”, он создал трагедии “Гамлет”, “Король Лир”, “Макбет”. Когда Шекспир хотел дать “объективное в субъективном”, он создал бессмертный 66-й сонет (Этим сопоставлением мы обязаны известному шекспироведу М. Морозову)³.

Взаимослышанье – взаимовосприятие – взаимодействие “голосов жизни” являются актами культурной деятельности; в них объективируются различные грани личностного “я”. Отнюдь не случайно признано, что большинство персонажей известного армянского драматурга Жоры Арутюняна не относятся к профессиональным деятелям культуры, не обладают формально культуротворческим статусом. Однако индивидуальный мир многих из них отражает наличие подлинной связи с культурой своего народа, с “пространством его развития”. Причем содержание “форм индивидуального бытия” персонажей драматурга может быть включено в ценностное богатство культуры нации, в приумножение и совершенствование, следовательно, ценностного фонда человечества в целом.

И смысл наличного бытия человека как существа культурного объективируется в ту или иную предметность в зависимости от характера деятельности в периоды, которые С. Цвейг назвал “звездными часами человечества”. Бытие культуры между тем не есть бытие взятой самой по себе предметности – только человек “оживляет” духовные ценности, преосуществляемые в культуре, которая не есть просто память человечества о самом себе, но память, находящаяся в

³ Морозов М. М., *Избранные статьи и переводы*, М., 1954, с. 27-28; 283-284.

движении. По сути человек решает для себя, что ценность – это поиск, что смысл жизни заключается в поиске – находить или создавать смысл жизни. И напряженное отношение к поиску смысла жизни, как к идеалу, обрекает человека на постоянную креативность: в процессе и результате этой встречи с культурой человек формирует себя как Творца. Однако при этом “вне системы культурных значений не существует разницы между королем и придворным, святым и грешником, красотой и безобразием. Значения делают культуру целостным ансамблем явлений... В значениях сочетаются побудительные, познавательные и оценочные моменты. Благодаря первым человек относится к миру практически, благодаря вторым – теоретически, благодаря третьим он осознает место вещей и поступков в общей иерархии ценностей”⁴. Если же человек не слышит, в частности, “творческой музыки мироздания”, если мир ни одним звуком не затрагивает его души, человек остается наедине с самим собой – и не узнает в таком мире своего собственного произведения, своего изобретения. Для мира, лишившегося духовности как своей внутренней музыки, и для человека, оказавшегося одиноким в таком мире, одинаково характерно забвение своих начал, забвение своего происхождения.

И. Кант не случайно называет культурой способность к целостно-символическому осмыслению мира, “способность вообще ставить себе цели и ...пользоваться природой как средством в соответствии с максимами своих свободных целей”⁵. Целостный нравственно осмысленный мир культуры очерчивает человечески освоенное бытие. Культура, охватывая полноту и целостность, глобальность и тотальность человеческой деятельности, тем самым являет собой процесс изменения общества и человека: недаром суть, ядро культуры составляет ценностное сознание людей – ее носителей и творцов. В направленности развития культуры,

⁴ Соколов Э. В., *Культура и личность*, Л., 1972, с. 122.

⁵ Кант И., *Критика способности суждения*, т. 5, М., 1966, с. 464.

естественно, отражается сообразность ее сущности и назначению человека, тенденциям его творческой жизни.

Именно культура, в основе которой, по мысли Д. Лихачева, лежит филология, отражается в историко-художественном процессе, как в зеркале, точнее, как в увеличительном стекле (пользуясь удачной метафорой Н. Гоголя и В. Маяковского). Лишь искусство, взятое в целом, способно полноценно выполнять функции самосознания культуры, которое складывается из самопознания и самооценки. Причем понимание искусства как самосознания культуры чрезвычайно важно: оно может быть использовано для управления процессами развития культуры, воспитанием, в частности, задач, нацеленных на формирование гуманистически ориентированного сознания и поведения личности, на отношение к миру явлений. В этой связи любопытен «кощунственный» вопрос, который задает самому себе Петров-Водкин: «...а не есть ли блестящее итальянское Возрождение... начало упадка живописи, когда ум, вкус начинают заменять остроту предметного восприятия?»⁶. А между тем в реальности художник изображает то, что дает «колорит и смысл всей эпохе», дает понимание того, что «есть страдание. Есть доброта. Так рождается красота» (Г. Аполлинер). Таким образом, образ мира и человека в мире рассмотрены в контексте объективно существующей материальной и духовной культуры без оглядки на вышеназванный вопрос, который может возникнуть в умах, наделенных особым воображением.

Там, где все рассчитано, отмерено, отвешено, где царит порядок, стерильная чистота, безупречные манеры, там нет места внезапным озарениям, которые составляют тайну творчества. Вовсе не случайно было замечено: «Кто боится безвкусицы, обретает холод»⁷. В искусстве мир открывается человеку, как «колдовство реальной жизни». Как высшая и важнейшая сфера человеческой деятельности, искусство,

⁶ Петров-Водкин К. С., *Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. 2-е изд. Л., 1982, с. 486.*

⁷ Павло Неруда, *О поэзии и о жизни, М., 1974, с. 245.*

возможности которого в обогащении духовного мира огромны, “существует не для небольшого замкнутого круга немногих образованных людей, а для всей нации в целом”⁸. Именно в силу незаменимости искусства столь беспочвенны возникающие порой тревоги за его судьбы. Глубоко прав А. Я. Зись: ни наука, ни идеология не в силах заменить искусство или даже отодвинуть его на второй план⁹. Однако в целостном влиянии искусства на духовный мир человека нередко ощущается акцент на одном или нескольких потенциалах. Так, в период социальных бурь–войн, революций – усиливается пропагандистский, ценностно-ориентационный аспект искусства, когда же общество пытается детально понять суть свершившихся событий, на первый план и в искусстве выходит познавательный момент.

Можно спрашивать, к примеру: “Что ему Гекуба?”, можно даже не знать, кто она такая, но она заведомо принадлежит особой реальности. Ведь, если что-либо и может увести нас в высшую жизнь, так это “плач из-за Гекубы”, которая чужда нам и которой мы чужды. К каждому такому персонажу – слову культуры – можно отсылать как к неизменной величине: текст остается прежним, а его понимание, ощущение, переживание коренным образом меняется, а вместе с этим до неузнаваемости меняется его духовный смысл. Для Шекспира существует, конечно, внутреннее странное отношение к своим персонажам, к миру реальному и к миру, им воссозданному, но все это скрыто за пределами произведения. Это лишь подчеркивает то, что культура прошлого входит как пласт в состав изменяющегося времени. И “первый пласт”, который одинаково значим в любую эпоху для каждого человека, – это эстетические и этические отношения. Ведь недаром культуру конца XVIII в. пронизывает ощущение необходимости того, что Греция – не просто

⁸ Гегель Г., *Эс2 е2, ка, 2. 1, М., 1968, с. 283.*

⁹ Зий А. Я. *Искусство, эстетика, трагедия, современные проблемы, Мэ 1975, сс 51–54э*

устремленность к идеалу (Гете, Ж. Л. Давид, Гельдерлин и другие), реальному или вымышленному, а идея жизненной полноты самой эпохи, наклон самой эпохи – так концы узнают себя в началах.

В свою очередь статьи Ал. Блока являют собой достойное и должное отношение к культуре: культура – не голая эрудиция, не запас академически-нейтральных знаний, а духовная энергия, преэминентность внутреннего глубоко пережитого опыта, растворяющего в себе эти знания, их духовное значение и духовный смысл. И художников разных эпох (Ван Гог, Петров-Водкин, Леже) привлекало не только стремление служить изображению предметного мира, но и желание быть средством прямого обращения к “человеку культуры”, который “входит” в произведение искусства задолго до встречи с ним. Следовательно, картина мира раскрывается человеку как культурно-историческая, объективная реальность. Включаясь в те или иные виды деятельности, человек способен изобретать новые образцы, нормы, идеи, которые, в случае соответствия их потребностям общества, могут войти в культуру, программируя деятельность людей. Индивидуальный опыт, превращаясь в социальный, способствует появлению в культуре феноменов, закрепляющих этот опыт. Между прочим, существует феномен избыточности культуры. Характеризуя сущность и функциональную значимость этого феномена, Э. Соколов верно замечает: “...Культура в целом обладает значительной избыточностью... В культуре в виде знаний, норм, ценностей закреплены разнообразные варианты возможной деятельности. Избыточность культуры не является излишеством... Чем больше накопленный запас культурной информации, тем устойчивее и жизнеспособнее общество”¹⁰. И тем, добавим от себя, оно динамичнее развивается. Вместе с тем любые изменения в культуре возникают благодаря творческой активности личности: человек, будучи творением культуры, является

и

ее

¹⁰ Соколов Э. В., указ. соч., с. 58.

творцом. Так, “золотой век” российской культуры XIX века был бы невозможен без реформ Петра I – “на реформы Петра I Россия ответила гением Пушкина” (А. Герцен). Усиливающееся взаимодействие культур порождает в свою очередь достижения, которые составляют ядро мировой культуры, ту меру человечности, от которой идут пути к пушкинской простоте, к толстовской мудрости, к сложности Достоевского. Недаром, как говорил Гете, есть такая ступень развития культуры, на которой судьба чужих наций воспринимается как своя собственная. Такую культуру как “духовный праздник” философ Герберт Маркузе противопоставляет цивилизации как “унылой повседневности”, ориентированной на “одномерного человека” массовой культуры.

Культура как универсальный язык, оформляющий и организующий весь мир, картину мира, расцветает в обществе интенсивной социальной динамики (свобода, ничем, кроме истины, не ограниченное наличие идей, взглядов, замыслов, высокий престиж дарования, интеллекта). Не могут быть отброшены выработанные культурой нормы, выстраданные ценности, но предстоит их новое прочтение, введение в новые социокультурные и онтологические контексты. Нужна подлинная, глубочайшая культура, вкус к которой воспитывается в человеке с младых ногтей теми, кто сам является ее носителем. Культура личности – это единственное, чем по-настоящему может гордиться развивающееся общество, если даже пути к достижению целей не одинаковы (“Идем врозь, сражаемся вместе”).

Историк и социолог С. Ариети дал обществу, способствующему развитию творчества, название “креатогенное общество” (доступ к средствам культуры, открытость различным “культурным стимулам”, стремление кем-то быть, чего-то достичь и т. д.). В свою очередь, по Томасу Манро, для создания творческих эпох гуманизации культур необходимо сочетание многих факторов. “Должны быть: а) врожденные потенциальные гении; б) средства и условия, которые бы соответствовали применению и направлению их свободной

энергии в определенную художественную сферу; с) учреждения, способные дать им профессиональное обучение и некоторые знания художественного наследства в изучаемой области; d) другие личности, обладающие вкусом, властью и волей оценить их художественные достоинства и помочь им завоевать широкое признание”¹¹.я

“Служа всей нации в целом”, человеку, гуманизация культуры представляет собой феномен, императивом которого, как и императивом эпохи, является философия. Необходимо, следовательно, представлять культуру мысли и познания через философию. Причем, как пишет М. Бахтин, рано или поздно (обычно-поздно!) услышанное или увиденное откликается: так, культурное общение в большинстве случаев рассчитано на ответное понимание замедленного действия, в котором именно искусство должно быть союзником красоты мира и человека против сил смерти и забвения.

В каждом из нас уже с первых шагов вхождения в культуру формируется как способность сопоставлять то или иное явление с ценностью, так и способность мыслить, помнить, представлять. Культура (как и личность) – лишь тогда культура (личность), когда она больше себя, когда она глядится в зеркало другой культуры (личности). А спор между системами ценностей, по мнению М. Вебера, определяется признанием триединства истины, добра, красоты; решается он судьбой, а не наукой. Несовместимы друг с другом этика Нагорной проповеди, требующая подставить левую щеку обидчику, и этика гражданской чести, требующая в соответствии с совестью отстаивать личное достоинство ценой жизни. Ныне, к сожалению, есть опасность, связанная с “нарушением духовно-поведенческого аппарата” (В. Распутин). А поклонение культуре как цитадели духа, как “пульсации духа” всего человечества привело к горькой истине, что в реальном пожаре, разыгравшемся в современном обществе, подлинные ценности культуры оказались бессильными перед грубым насилием и житейскими нуждами. Нельзя говорить и

¹¹ Munro T., *Evolution in the Arts and other Theory of Culture History*, N. Y., 1963, p. 515.

преклоняться перед какой-то единой культурой, “когда в ней одинаковы и творчество Данте и Шекспира, и количество потребляемого мыла ...”¹². Возникла, естественно, потребность доказывать, что духовный опыт человечества, который содержится в истории мировой культуры, – дух культуры прошлого неуничтожим – есть опора в реальной действительности, что человек культуры, “культуры духа” – это свободный духовный мир. Подобный образ мыслей и есть способ духовного выживания ученых, развивавших эти идеи. Так, по М. Бахтину, сам человек и его мир есть мир человека, сохранение причастности к миру, в котором налицо “событие бытию” индивида, сосуществование индивидуальной и личностной определенности человека. В свою очередь от какого-либо “события” культуры мысль П. Флоренского, смеем надеяться еще до М. Бахтина, уходила в глубины “бытия”, приближаясь к основам того, что рождало принцип – “со-...”, то есть любую сопричастность культуре.

В принципе новизна каждого конкретного факта культуры (имени, слова, символа) потенциально безгранична и бесконечна, если действительно совершается событие культурного творчества в духовно изменяющемся контексте. Так как культурой оказывается все то, что возникает в результате смыслополагающей и смыслопостигающей деятельности человека, то произведение искусства как “значимое целое” становится событием жизни воспринимающего, преломляясь сквозь призму всей его жизни, его индивидуальных обстоятельств. В. Белинский, рассматривая “Демон” Лермонтова как истинную ценность с ее “тайным соучастием, составляющим силу культуры”, писал, что “Демон сделался фактом моей жизни”. Культура, таким образом, не субъективна и не объективна: она существует в поле человеческого общения, способствуя достижению его подлинности.

В этой связи стержнем и несущей конструкцией культуры, по А. Швейцеру, является нравственное содержание, наличие

¹² Франк С. Л., *Крушение кумиров*. Соч., М., 1990, с. 142.

осознанного мировоззрения. Он писал: “...для общества, как и для индивида, жизнь без мировоззрения представляет собой патологическое нарушение высшего чувства ориентирования”¹³. Подобно Н. Рериху, Швейцер пришел к выводу о неизбежности синтеза культур, который необходим человечеству, вступившему на путь освоения Космоса. Причем сфера автономного, свободного бытия личности – и есть культура – в отличие от сферы, где действует механизм внешнего воздействия (природа) или принуждения (экономика, политика и т. д.).

Итак, культура как предмет широкой сферы гуманитарного значения является собой систему представлений о мире и человеке, его деятельности и творчестве в социально-историческом пространстве.

յ

ՄՇԱԿՈՒՅԹԸ՝ ԻՐԵՎ ԻՆՔՆԱԳԻՏԱԿՑՄԱՆ ՀԱՅԵԼԻ

ՎԱՐՏԱՆՈՎԱ Ճ. Ա.

Ամփոփում

Մշակույթը՝ իբրև ստեղծագործական գործունեության հոմանիշ, մարդկային կյանքի և գոյության ինքնատիպ արտահայտություն, ամբողջանում է փիլիսոփայության միջոցով. հենց վերջինս է կերտում այն իդեալական աշխարհը, որը կոչվում է մշակույթի տարածք: Փիլիսոփայությունը իմաստավորում է մշակույթը, քանի որ վերլուծում է անհատի գործունեության, արժեքների և ճանաչողության հիմքերը: Մշակույթը, որի հիմքում ընկած է փիլիսոփայությունը, ձևավորում է արժեքների համակարգ:

Մշակույթի կառուցողական առանցքն են կազմում բարոյական բովանդակությունը, գիտակցված աշխարհայացքը: Մշակույթն ընդգրկում է մարդու և աշխարհի՝ սոցիալ-պատմական տարածքում մարդկային գործունեության և ստեղծագործության վերաբերյալ պատկերացումների ողջ համակարգը:

Միայն արվեստը՝ իբրև բարձրագույն արժեք, կարող է լինել մշակույթի ինքնագիտակցման գործառույթը, որը ձևավորվում է ինքնագիտակցման և ինքնագնահատման հիմքի վրա:

¹³ Швейцер А., *Благоговение перед жизнью*, М., 1962, с. 82.